

бараках среди людей до окончания их плена существовало глубокое идейно-политическое размежевание. Этот процесс в годы холодной войны охватил всю Европу и расчленил её на два враждебных лагеря.

Также констатируется, что, организовав на Севере работу «архипелага ГУПВИ», Советское государство решало две задачи — политическую и экономическую. Первая заключалась в идеологическом перевоспитании военнопленных и подготовке их в качестве кадров для стран социалистического лагеря, вторая — чтобы их силами как одной из категорий спецконтингента осуществлялась продуманная и долговременная стратегия освоения природных богатств региона. Прагматичный подход и далеко идущие политические планы руководства СССР оказались, по мнению автора, надёжной гарантией сохранения жизни бывших солдат и офицеров противника.

Кузьминых отвергает попытки ряда историков отождествить германскую и советскую политику в отношении военнопленных, подчёркивая, что если первая была направлена на уничтожение этих людей, то вторая — на сохранение их жизней. Автор указывает и на необходимость дальнейшего исследования заявленной темы —

не только ради научного анализа, но и во имя исторической справедливости, чтобы родные умерших знали, где покойся прах их близких.

Исследование А.Л. Кузьминых, бесспорно, уникальное. Помимо почти 40 таблиц, множества фотографий и фотодокументов, в нём имеется около 140 страниц приложений, содержащих подробные сведения о лагерях ГУПВИ, движении военнопленных и интернированных, их производственной деятельности, физическом состоянии, медобслуживании, смертности, побегах, дисциплинарных нарушениях, а также о наказаниях сотрудников лагерей.

Примечания

¹ Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Архангельск, 2014; Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Поляки в Вологодской области: репрессии, плен, спецпоселение (1937—1953 гг.). Вологда, 2014; Кузьминых А.Л. Военный плен и интернирование в СССР (1936—1956 гг.). Вологда, 2016.

² Военнопленные в СССР. 1939—1956. Документы и материалы / Сост. М.М. Загорулько, С.Г. Сидоров, Т.В. Царевская. М., 2000. С. 7, 12.

³ Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919—1953 годы. Архангельск, 2004; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.

Любовь Сидорова

«Никогда не пытался быть героем»*

Liubov Sidorova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«Never tried to be a hero»

DOI: 10.31857/S086956870004502-3

Книга профессора истории Лондонской школы экономики и политики В.М. Зубока, выполненная в жанре

научной биографии, отличается большим спектром поставленных проблем и глубиной их решения. По призна-

* Зубок В.М. Дмитрий Лихачёв: Жизнь и век. СПб.: Вита Нова, 2016. 608 с., ил.

нию автора, монография явилась итогом его многолетней работы по изучению жизненного пути известного российского учёного и общественного деятеля Д.С. Лихачёва. Побудительным мотивом стала потребность современного историка осмыслить и понять «феномен Лихачёва»: выявить истоки и причины «его необычайного научного и общественного веса в России» (с. 9). Дополнительным и весьма существенным стимулом к исследованию оказалось отсутствие в российской историографии посвящённых учёному фундаментальных работ. Формулируя подход к избранной теме, Зубок подчёркивает, что «настоящее жизнеописание Дмитрия Сергеевича Лихачёва представляет собой попытку подойти к этому выдающемуся человеку с точки зрения широкого контекста — истории русской культуры XX века, ответить на вопросы о том, кем же был этот человек для отечественной науки и общества и что опыт его жизни может дать современному читателю» (с. 10).

Избранный ракурс исследования позволил автору затронуть вопросы, с которыми в своей профессиональной деятельности сталкивается каждое поколение историков и каждый исследователь в отдельности. Они решают их по-разному, в зависимости от особенностей сложившихся поколений и индивидуальностей учёных. При этом центральной является проблема «учёный и власть», включающая множество аспектов, в том числе связанных с мироощущением исследователя, его отношением к свободе научного творчества, профессиональным обязательствам, долгу человека и гражданина.

Автор сознательно отказался от освещения специальных проблем теоретической и прикладной лингвистики, палеографии, текстологии, т.е. предмета научных «штудий» Лихачёва. Не являясь «филологом или истори-

ком Древней Руси», Зубок оставил эти сюжеты для будущих биографов (с. 10). Высоко оценивая профессиональную этику автора, тем не менее отмечу, что он рассмотрел многие существенные стороны творческой лаборатории своего героя.

Книга интересна прежде всего аккумулярованным в ней массивом информации. Зубок активно использовал эго-документы, принадлежавшие Дмитрию Сергеевичу, его друзьям, коллегам и современникам — писателям, общественным деятелям, учёным. Важно, что были привлечены и материалы, характеризующие российский XX в. в целом; среди них — как опубликованные свидетельства эпохи, так и архивные документы, в том числе неизданные личные записи Лихачёва, предоставленные его внучкой. Особо ценными оказались собранные Зубком устные воспоминания тех, кто знал героя его книги. Эти материалы сохраняют живую связь времён, приближая неумолимо отдаляющиеся события минувшего века.

Обилие людей, судеб, позиций, мнений, а также многогранная и неоднозначная личность самого Дмитрия Сергеевича — всё это воссоздаёт особую атмосферу, характерную для русской и советской интеллигенции, показывает выбор учёным жизненной позиции в полифонии вариантов, продиктованных временем, обстоятельствами и складом личности.

Зубок, подробно воссоздавая биографию Лихачёва, в развитии личности будущего учёного и общественно-го деятеля видит неразрывную связь национальной и мировой культуры. Автор ссылается на признание самого Дмитрия Сергеевича о том, что «близость двух миров — космополитического Петербурга и “самого русского” Русского Севера — сформировала его самосознание». Размышления учёного «о близости древнерусских корней к

современности, о возможности соединить петербургскую культуру Серебряного века с культурой средневековой, народной, передающейся из поколения в поколение», заложили вектор его дальнейшей научной работы и общественной деятельности (с. 58).

Эту кардинальную черту в самосознании сначала юного, а затем зрелого учёного и человека Зубок находит на всех этапах жизнедеятельности Дмитрия Сергеевича. Это была нравственная опора для молодого исследователя, оказавшегося способным на «десять лет религиозно-философского противостояния большевизму» (с. 103) и сохранившего, тем не менее, горячую любовь к Родине. Даже в годы тяжелейшего испытания сталинской тюрьмой и Соловецким лагерем (1928—1932), подчёркивает автор, Лихачёв «не стал циником и продолжал любить ту Россию, которую любил всегда» (с. 105).

Зубок затрагивает чрезвычайно важную и одновременно трудно изучаемую проблему — «синдром страха», порождённого в годы сталинских репрессий и сохранявшего власть над людьми после ухода вождя. Так, В.Д. Назаров, посвятивший очерк известному советскому историку академику Л.В. Черепнину, пережившему по «Академическому делу» арест и лагеря, отмечал: «Последними его словами, вырвавшимися из подсознания, на грани угасания его могучего разума, были: “За что? Я ни в чём не виноват”. Так реагировал маститый академик на форму милиционера, которого призвали для помощи в переносе носилок со Львом Владимировичем. Заноза, засевшая в 1930 г., выскочила, но ушла и жизнь»¹.

Анализируя свидетельства Лихачёва о его испытаниях лагерной жизнью, Зубок констатирует, что отдельным людям удавалось преодолеть «синдром страха», оказаться вне его

влияния. Дмитрий Сергеевич осилил его, чудом избежав смерти, — вместо него по разнарядке расстреляли другого человека. Описывая произошедший в душе Лихачёва переворот, автор приводит слова учёного, который, конечно же, не мог не думать о том расстрелянном человеке: «Я понял следующее: каждый день — подарок Бога. Мне нужно жить настоящим днём, быть довольным тем, что я живу ещё лишний день. Поэтому не надо бояться ничего на свете» (с. 132). Этот «духовный переворот избавил Лихачёва от мыслей о смерти», пишет Зубок, и «в таком состоянии он проживёт все годы Большого террора» (с. 133). Здесь автор коснулся настолько тонких и сложных внутренних переживаний своего героя, что любой вывод может показаться дискуссионным. Но нельзя не согласиться с тем, что в жизни Дмитрия Сергеевича был тот рубеж, за которым человек освобождается от внешней силы, подчиняясь только Высшей воле и укрепляясь ею.

В те годы твёрдость религиозных убеждений человека создавала его определённую духовную автономию. Например, историк С.А. Пионтовский (его трудно заподозрить в религиозных чувствах) поделился в дневнике впечатлением от поездки в Луганск в конце декабря 1930 г. Там учёный побывал на антирелигиозной лекции «местного профессора» для большевиков с дореволюционным стажем, пришедших со своими жёнами. Его поразили «луганские аристократки» — «шесть почтенных старух в валенках и кацавейках», которые, «замотанные в платки, сидели как каменные истуканы и только смотрели». Однако это молчание оказалось выразительнее всяких слов: «Разжавши губы, можно сказать такое, что уж лучше и не говорить»², — откровенно и честно заключил Пионтовский.

Подобные факты подкрепляют заключение Зубока о духовных истоках позиции Лихачёва, которой он стремился следовать в своей научно-общественной деятельности. В книге убедительно показано, что его воззрения не являлись данью идеологической конъюнктуре, хотя в них были и «пересечения с советской пропагандой», но проистекавшие из взглядов самого учёного. Например, оценивая изданную в 1942 г. в блокадном Ленинграде книгу «Оборона древнерусских городов» (написана Д.С. Лихачёвым в соавторстве с М.А. Тихановым), автор подчёркивает, что позиция Дмитрия Сергеевича выходила за рамки официального советского патриотизма с его социально-политическими доминантами. Для него «патриотизм древних русичей был основан на христианской любви, уважении к предкам и к памяти мёртвых» (с. 192—193).

Уделяя много внимания вопросу о том, как Лихачёв понимал патриотизм, Зубок подкрепляет свои выводы и размышлениями, и фактами деятельности учёного. В частности, он обращается к сюжету, связанному с событиями идеологической кампании по борьбе с космополитизмом, развернувшейся в стране в конце 1940-х гг. Автор рассказывает о выступлении Лихачёва на заседании Учёного совета исторического факультета Ленинградского государственного университета 7 апреля 1948 г., на котором его членам предстояло в соответствующем идеологическому моменту ключе подвергнуть критике недавно изданную книгу Б.А. Романова «Люди и нравы Древней Руси» (Л., 1947). Дмитрию Сергеевичу, пишет автор, было присуще не социально-классовое, а гуманистическое понимание патриотизма. С этой меркой он подошёл к оценке работы Романова, в которой увидел «патриотизм молчаливый», проистекавший из «лирического» отношения историка к Древней Руси (с. 238).

Автор не только фиксирует поддержку Романова Лихачёвым, но обращает внимание на избранный им стиль защиты — использование идеологических клише из арсенала обвиняющей стороны. Зубок полагает, что в выступлении Дмитрий Сергеевич «умело использовал метод “туфты”, которым в совершенстве овладел на Соловках, — он обезоруживал обвинителей, используя их собственный язык, разрушая их сценарий и выставляя их в глупом свете» (с. 237). Не вдаваясь в подробности, насколько повлиял жестокий опыт Соловков на систему аргументации учёного, следует отметить: в обстоятельствах, чреватых осложнениями для него самого, всё-таки он счёл необходимым поддержать своего коллегу.

Это ещё раз возвращает читателя к основополагающей идее книги — самостоятельности научных и общественных убеждений Лихачёва. Этот ключ автор применяет при оценке взглядов своего героя на происхождение «Слова о полку Игореве» (безусловно, являвшееся для исследователя памятником древнерусской литературы), на его отношение к полемике вокруг этого произведения, инициированной А.А. Зиминным (с. 230).

Анализируя проблему взаимоотношений учёного с властью, Зубок констатирует: «Лихачёв избрал тактику выживания — он заговаривал зубы партийным демагогам, избегал роли жертвы, но никогда не пытался быть героем» (с. 239), честно и добросовестно исполнял свой научный долг. Пик общественной деятельности Дмитрия Сергеевича пришёлся на годы перестройки, давшей ему большие возможности для реализации своей гражданской позиции.

При описании встреч Лихачёва с А.Д. Сахаровым, Е.Г. Боннэр и А.И. Солженицыным Зубок показывает, что расхождения между ними были не в плоскости идей, а в методах

их реализации: «Вместо открытого диссидентства Лихачёв использовал свой статус академика, чтобы помогать людям “тихой дипломатией” по закрытым каналам» (с. 318). Реальная работа по сохранению памятников русской культуры представлялась ему важнее участия в «открытых письмах», петициях и проч.

Однако это вызвало, как показал автор, непонимание в диссидентских кругах. Зубок рассказывает о конфликте, который возник между Солженицыным и Лихачёвым в 1973 г. из-за отказа последнего написать под псевдонимом статью в сборник «Изпод глыб». В изданном в эмиграции (Швейцария) в 1974 г. сборнике Александр Исаевич, не называя Лихачёва по имени, дал ему нелестную характеристику, намекнув на его «приспособленчество» (с. 323). Зубок, признавая, что «Лихачёв действительно осторожничал», делает акцент на не менее важном мотиве такого поведения (избранной учёным стратегии) — быть «китайским мандарином при Чингизхане» (с. 323—324). Тем самым автор ещё раз убеждает читателя в правомерности позиции Лихачёва, который стоял в ряду российских деятелей, обладавших непререкаемым нравственным авторитетом. На этом пути, в чём убеждает книга Зубока, Дмитрий Сергеевич, не стремясь стать героем, получил признание коллег-учёных и всего российского общества.

Вместе с тем насыщенность биографии самыми разнообразными

фактами из биографии учёного и приведённые в ней свидетельства о его времени дают внимательному читателю обильную пищу для размышлений, вне зависимости от того, принимает он или нет предложенное автором понимание личности Лихачёва. Сложная судьба этого человека, его опыт взаимодействия с научно-общественной средой, сопровождавшийся обретениями и потерями, может служить примером для поколений, определяющих свои жизненные приоритеты уже в XXI в.

И ещё одна, значимая, ремарка. Человек, взявший в руки монографию В.М. Зубока, несомненно, получит эстетическое удовольствие от высокого уровня её оформления и полиграфии. Внешний вид книги (стилизованный под классические образцы изданий рубежа XIX—XX вв., с их красивыми кожаными переплётами), помещённые в ней фотографии создают необходимый фон для раскрытия личности Лихачёва, подчёркивают связь этого выдающегося человека с традициями русской культуры и науки, служению которым была посвящена его жизнь.

Примечания

¹ Назаров В.Д. Лев Владимирович Черепнин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1. М.; Иерусалим, 2000. С. 302.

² Дневник историка С.А. Пионтковского (1927—1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009. С. 400—401.